

«Когда страна быть прикажет героем...»

Важной частью идеологической работы Советского государства являлся культ героя, может быть, лучше сказать – культ героизма, неслучайно существовали не только герои революции или гражданской, Великой Отечественной войны, но и герои пятилеток, герои целины, герои жатвы, а наряду с военным званием Герой Советского Союза присваивалось и почетное звание Герой Социалистического Труда. В результате того, что деятельность больших и самых разных групп людей в произведениях искусства и в СМИ характеризовалась как героическая, в общественное сознание была внедрена идеологема «героизм советского народа». Представление это живо еще и сейчас, причем, по-видимому, единственной его опорой сегодня является память о Великой Отечественной войне. Перескажем один любопытный радиоразговор. В передаче “Особое мнение” (“Радио России”. 2008. 4 апр.) шла беседа о молодежных субкультурах. Позвонившая радиослушательница объяснила распространение национализма и ксенофобии тем, что в обществе сложился дефицит ценностей, идеалов, и сослалась на Советский Союз, в котором идеалов было предостаточно. Ведущий Игорь Гмыза подхватил: “И который в результате развалился за несколько месяцев”? Но радиослушательница закончила мысль по-своему: мы выиграли такую войну. И все. Никаких возражений по поводу идеалов со стороны ведущего больше не последовало. Для его поколения победа СССР во второй мировой пока еще бесспорный факт.

Объектом нашего внимания является военная пресса. Поэтому анализ того, как реформировалась эта идеологема, каковы ее предшественники, каково ее настоящее, опирается на журналистские документы, связанные с войнами далекого и недалекого прошлого нашей страны.

Вначале обратимся к периоду Великой Отечественной войны, событию, значение которого в жизни народа не подверглось переоценке (речь не о деталях). В качестве источника материала используем сборник военных публикаций Евгения Воробьева «Огненная метель» (М.: Московский рабочий, 1973. 224с.). В сборник включены материалы газеты западного фронта «Красноармейская правда», корреспондентом которой Е.Воробьев был с начала войны. То, что мы читаем на страницах этого сборника, в полной мере представляет картину тысяч газет того времени, снято лишь упоминание Сталина, наверное, присутствовавшее в некоторых материалах, хотя в книге объединены публикации, посвященные, как сказано в предисловии редакции, только «героям подмосковного сражения» (с.3).

Рядом с публицистическими фактами Е.Воробьева издатели поместили около десятка сообщений советского информагентства, датируемых 1941 – 1943 годами. Мы приведем только первое и последнее из них:

«ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 13 ОКТЯБРЯ [1941 – В.А., Л.М.]

В течение 13 октября наши войска вели бои с противником на всем фронте, особенно упорные на **Вяземском** и **Брянском** направлениях. После многодневных ожесточенных боев, в ходе которых противник понес огромный урон людьми и вооружением, наши войска оставили г.Вязьму»;

«1943

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ 12 МАРТА

12 марта войска Западного фронта, после решительного штурма овладели городом и железнодорожным узлом **Вязьма**».

В этих хронологических рамках и происходили события, освещаемые журналистом. Его зарисовки, репортажи и очерки не только в книге, но и на страницах газет тех лет конкретизировали, наполняли жизнью сухие строки сообщений Совинформбюро. Действия советских войск в этих сообщениях обозначаются так: “ожесточенные бои” (13 окт. 1941 г., 22 нояб. 1941 г.), “героическое сопротивление” (15 окт. 1941 г.); “напряженный бой” (19 окт. 1941 г.; 19 янв. 1942 г.; 23 февр. 1942 г.); “контрнаступление” (6 дек. 1941 г.), “решительный штурм” (12 марта 1943 г.).

Читатели и «Красногвардейской правды», и книги «Огненная метель», благодаря работам журналиста, видят эти упорные и ожесточенные бои. А поскольку журналистский дискурс по природе своей фиксирует нечто выделяющееся на общем фоне (в широком смысле “новость”), то и военный журналист запечатлевает людей и события, в чем-то превосшедшие уровень своей среды. В условиях войны, тем более в условиях подмосковных событий 1941-1943 гг., это “превышение уровня” вполне укладывается в понятие “героизм”: «бесстрашие, самопожертвование и сила воли, проявляются в необычной и опасной обстановке» (РСС III: 256).

[Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М.: Азбуковник, 2003. Т. III].

Однако надо учесть, что журналистские тексты создавались в рамках определенной идеологии, которая, что очень важно, в сложившихся условиях не была стопроцентно лживой, и это во многом обеспечивает устойчивость положительной оценки события в памяти нации.

В текстах СМИ периода Великой Отечественной войны активно функционировала и прочно закреплялась в общественном сознании идеологема “героизм советского народа”, фиксируя ряд отличительных признаков этого героизма.

Ядро рассматриваемого ментального образования вполне отвечает той экспликации, которую дает процитированный словарь. Необычная и опасная обстановка обеспечивается ситуацией войны, так что остается декларировать «бесстрашие, самопожертвование и силу воли», что и делает журналист. Изображение этой деятельности в тексте позволяет представить другие составляющие идеологемы.

Героизм в журналистском тексте рисуется как массовый (“героизм народа”), причем, эта массовость имеет разные параметры: героизм

проявляют люди разных профессий, разных национальностей, разных регионов страны, разных возрастов. В результате складывается смысл всеобщности, который мы проиллюстрируем несколькими примерами, где он выражается за счет не только лексических, но и синтаксических средств:

«Интересуюсь, откуда бойцы родом. География самая широкая – от Уссурийского края до Поволжья, от Алтая до Кубани.

- Мы теперь все москвичи, - убежденно говорит молодой стрелок Николай Третьяков вместо ответа на вопрос, из каких он мест» (с.13);

«На рубеже ноября и декабря прошли обильные снегопады и метели, ударили крепкие морозы. Иные бойцы даже сибиряки, уральцы и дальневосточники, мерзли, но их согревала уже одна мысль, что еще больше мерзнут фашисты в своих шинелишках, подбитых ветерком, в пилотках, опущенных на уши, в ерундовской обуви» (с.126);

«Отдельные батальоны были незаметно для противника отведены с фронта во второй эшелон и переброшены в Москву только для участия в параде. Вслед за частями и подразделениями, прибывавшими с фронта, прошагал полк народного ополчения – разношерстное и пестрое войско. Полушубки, бушлаты, стеганые ватники, бекеши и шинели; иные шинели еще помнили Каховку и Царицын, Касторную и Перекоп... Сапоги, валенки, ботинки с обмотками... Шапки-ушанки, буденовки, треухи, картузы, кубанки, папахи... Винтовки вперемежку с карабинами, мало автоматов и совсем нет противотанковых ружей» (с.54).

«... Студенты, учителя, поэты берут в руки винтовки <...> И молодой скрипач откладывает в сторону смычок и берет в руку гранату, заслуженные и любимые публикой артисты вступают в народное ополчение» (с.64).

«Он решил отправить к майору Чижову с донесением Увакаса Абишева, храброго и находчивого. И откуда взялась такая сноровка у бывшего воспитателя детского сада? И снежные сугробы нипочем этому жителю знойного Чарджоу» (с.68).

Приведенный материал показывает еще одну составляющую идеологемы: героизм порождается патриотизмом людей, их любовью к родине («мы тогда все москвичи»). Е.Воробьев довольно скуп на громкие слова, поэтому покажем такой фрагмент:

«Той же ночью, после доклада порученца, генерал отправил ответное письмо Л.С.Сапелкиной. Он сообщил все, что узнал о Мишутке, одном из тысяч Мишуток, ради которых с таким геройским упорством, не щадя жизни, воюют бойцы и офицеры его пятой армии. И ради этих же Мишуток сам Леонид Александрович Говоров далеко за полночь сидит в штабной избе, склонившись над картой, объезжает под огнем передний край, шагает по огненным позициям батарей...» (с.159).

Видна в приведенном фрагменте и еще одна составляющая идеологемы: героизм советского народа корнями уходит в историю страны, тем более, что сама география событий толкает автора к определенным параллелям. Приведем несколько фрагментов только одного очерка («Рубеж»), рассказывающего о боях на Бородинском поле:

«Здесь каждая пядь земли принадлежит истории. Здесь рядом с бойцами 32-й краснознаменной стрелковой дивизии полковника Полосухина сражаются бессмертные тени предков» (с.8);

« - Бей врага, и пусть любовь к Родине удесятерит твоё мужество!

Эти слова звучали с особенной силой на Бородинском поле, где по соседству с памятником Кутузову и русским солдатам, героям былого сражения, тянулись длинные ряды противотанковых ежей, были установлены надолбы, а в окопах сидели истребители танков» (с.10);

«"Не Москва ль за нами?" – снова и снова звучит безмолвный клич сердца. Не только бетоном, землей, сталью, минными и проволочными заграждениями крепятся сегодня подступы к Москве. Они скреплены решимостью ее защитников драться до последней капли крови. Вот так дрались на Бородинском поле наши предки, так дралась доблестная дивизия Полосухина, сдержавшая клятву верности» (с.14).

Таким образом, сам дискурс подводит нас к сопоставлению идеологемы «героизм советского народа» с соответствующими элементами военного дискурса прошлого. Правда, поскольку мы анализируем прессу современного типа – газеты и журналы, речь пойдет не о суворовских походах и не о войне 1812 года, а о войне на Кавказе, Крымской, русско-японской, первой мировой войне и войне в Афганистане.

Отметим сразу, что не для всех этих войн пресса создает конструкт «героизм народа», хотя везде констатируется личный героизм, реже героизм группы людей (полка, команды матросов и т.п.), т.е. в военном дискурсе функционирует один из его ключевых концептов, репрезентируемый на лексическом уровне текста различными элементами соответствующего поля (бесстрашие, геройство, доблесть, лихачество, лихость, молодечество, мужественность, мужество, отвага, смелость, удача, храбрость и др. – РСС III:256). Приведем примеры:

«Дело было подлинно молодецкое по отваге, распорядительности и боевому его исходу» (Дело под Ачхоем и Акиюртом// Военный сборник. 1865.№ 41);

«Тогда на рекогносцировку послан был барон Торнов <...> В 1834-м году Торнов, переодетый горцем и с кучкой преданных ему проводников, отправился в Абхазию, перешел от Сухума на линию через снеговой хребет, с Кубани проехал потом по Черному морю и от устья Сочи берегом обратно в Абхазию; за свою отвагу он едва не поплатился жизнью» (Обозрение. Барон Ф.Ф.Торнов (Торнау) // Разведчик. 1890.№19);

«Нашей блестящей кавалерии предстоит обширное поприще для славных подвигов» (Пузыревский А. Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877-1878 гг.// Военный сборник. 1879.№61.ч.I);

«8-го ноября, отбив жестокий штурм, доблестный гарнизон нашей крепости снова после этого вел ожесточенные бои с противником, получившим приказание взять Порт-Артур, чего бы это ни стоило» (Описание восточной войны//Чтение для солдат. 1905. Вып.1);

«Тем не менее на протяжении всего пребывания в Афганистане наши войска при выполнении боевых задач проявляли терпимость, благородство, мужество, храбрость и невероятное самопожертвование» (Варенников В. Нас по-прежнему зовут шурави// Красная звезда. 2007.14 февр.); «Все – от солдата до генерала работали с величайшим упорством, самоотдачей, не жалея себя, проявляли чудеса выдержки и мужества» (Юров.Д. На всю оставшуюся жизнь//Красная звезда. 2004. 13 февр.); «за скупыми фразами боевых донесений тех дней сокрыты судьбы и подвиги мужественных людей – воинов, которых послало государство защитить Апрельскую революцию» (Барынькин В. От Пули-Хумри до Кабула//Военно-исторический журнал. 2001.№12).

Не искаженный слишком большим давлением официальной идеологии, если так можно выразиться, нравственный инстинкт воюющих и пишущих не позволял возвести мужество солдата в ранг героизма всего народа, ни в кавказских войнах, ни в войне с Японией, ни даже в Первой мировой, а тем более – в войне в Афганистане. Иное дело – Крымская война, направленная против внешней агрессии. Самое яркое проявление публицистики этого периода – «Севастопольские рассказы» Л.Н.Толстого (журнал «Современник», в котором они публиковались, не относится к военной прессе, но тексты, выполненные в рамках военного дискурса, реализуют концептуальную сферу войны). Толстой пишет:

«Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, это – убеждение в невозможности взять Севастополь и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа – и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя»;

«Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, - любовь к родине <...> Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...».

«На дне души каждого лежит та благородная искра, которая сделает из него героя, но искра эта устает гореть ярко, - придет роковая минута, она вспыхнет пламенем и осветит великие дела» (Севастополь в августе 1855 года).

Рассмотрим, какие составляющие концепта «героизм» актуализируются в дискурсах разных войн.

Никакого фанфаронства пишущие не допускают. Героизм сражающихся проявляется в борьбе с сильным противником. Отсюда подчеркивание силы врага:

«Чеченцы, при своем огромном численном перевесе имели полное право надеяться на успех новой атаки». (Дело под Ачхоем и Акиюртом);

«Храбрые войска наши отважно дрались с неприятелем, вчетверо превосходившим их численностью» (Возвращение со службы на Дон Донской конно-артиллерийской №7 батареи // Артиллерийский журнал. 1856. №6);

«Турецкая артиллерия имеет превосходные орудия, не уступающие в меткости нашим»; «турецкие войска пользуются местностью, стойки в обороне» (Воспоминания офицера Генерального штаба);

«Русско-японская война отошла в область прошлого, стала доступна для изучения, будущим историкам войны необходимо прислушаться к голосу участников этой гигантской, неслыханной борьбы» (Апухтин А.Н. О боевой подготовке пехоты // Общество ревнителей военных знаний. 1906. кн.1);

«В самурая воплотилась вся умственная и нравственная сила японского народа <...> Высшая же честь заключалась для них в верности и послушании своему начальнику, но не в низком и заискивающем послушании, а в том гордом подчинении, которое в подчиненном оставляет чувство свободы. <...> И теперешняя война показала, что дух японской храбрости еще жив в японском народе» (Самурай// Война с Японией. 1904. №12);

«Презрение к смерти является результатом воспитания японца еще во времена господства самураев в духе безграничной любви к микадо и родине. Японец, отправляясь на войну, прощается с жизнью. Не надежда на счастливое возвращение, не отличие и слава одушевляют японца на войне, как у европейцев; отправляясь на войну, он смотрит на себя как на человека, посвятившего себя смерти» (Презрение к смерти у японцев//Война с Японией. 1904. №14).

«Война эта поставила ребром вопрос о господстве над миром бронированного кулака, о господстве над Европой германского милитаризма. Вопрос этот и должен быть решен до конца <...> В начале войны мы были свидетелями победоносного шествия германских войск через Люксембург и Бельгию во Францию до самых почти фортов Парижа. Мы видели. Как, все разрушая на своем пути, германские полчища вторглись в Польшу, двигаясь к Варшаве. Тогда германским вождям могло казаться, что они вправе диктовать условия» (Письма с войны// Альбом героев войны. 1915. №6).

«Они [моджахеды – **В.А., Л.М.**] получали из различных источников самое современное оружие, бесперебойно поставлявшееся через Пакистан. У них были и американские 'Стингеры', и китайские крупнокалиберные пулеметы, и британские гранатометы» (Многие хотели бы вообще забыть о войне, которую называют 'советским Вьетнамом'// Гвардия России. 2008. 24 апр.).

Противостояние героизма внешней силе дополняется его противостоянием враждебным внутренним силам и обстоятельствам. В этом плане в текстах подчеркиваются два мотива: неподготовленность к войне и (в крайнем выражении) предательство элиты.

Мотив неподготовленности к войне, тем более мотив предательства не звучат в военном дискурсе кавказской войны прошлого. Здесь могут говорить лишь о каких-то неудачных решениях, неопытности, но такие

детали характерны для любой войны. В материалах о турецкой войне есть рассуждения о «малодушии» элиты:

«Человек, продолжавший веровать в русские силы, в русскую мощь, казался легкомысленным, шовинистом, многие не решились открыть, заявлять свои надежды и хор малодушных мудрецов, свободно, на простор, с полным апломбом гудел: “Я говорил!”, “Я предвидел!” и т.п. И все это в самом начале войны, когда был отбит только один корпус, наткнувшийся на превосходящего противника в укрепленной позиции». (Воспоминания офицера Генерального штаба).

В анализе хода и результатов русско-японской войны военный дискурс гораздо более решителен в подаче указанных мотивов. Сравним:

«Гораздо более прав проф. кн. Е.Трубецкой, выразивший взгляд, что главным виновником наших неудач является наш бюрократизм»; «Печать, отражая потребности и настроения общества, силится разобраться в обрушившемся на нашу страну бедствии, следит за перипетиями борьбы, плачется о нашей неподготовленности, указывает на ошибки в прошлом, утешаясь надеждами на будущее» (По поводу войны// Война с Японией. 1904. №20).

«У нас упадок духа в обществе и народе на многие последние десятилетия составляет печальную и несомненную истину. Народ обессилел от ряда экономических бедствий, общество заразилось его унынием, и вся государственная работа нашего Отечества сводилась к типу исполнения текущих дел. Не чувствовалось горячей силы жизни, которой кипел кругом нас к нашему ущербу весь земной шар. Такое положение многие приписывают силе бюрократической рутины, и в этом есть доля истины, но с рутинной можно бороться только самодеятельностью, а ее не почерпнешь из того источника, который ее же так долго убивал» (Из «Нового времени»// Война с Японией. 1904. №12);

«Хуже всего дело обстояло в Харбине, в этом отвратительном центре всевозможных, самых нелепых слухов и сплетен, в этом средоточии бесшабашного разгула, разврата, дебоша. Вот эти-то недостойные люди и являлись героями корреспонденций и рассказов, в которых незапятнанное имя нашего боевого офицера трепалось на все лады» (Апухтин А.Н. О боевой подготовке пехоты).

Концепция большевиков, формулируемая как «поражение России в войне», общеизвестна. Но и военная пресса фиксирует неверие общества в политику государства:

«В столице, в больших городах, вдали от войны, которая доносится сюда лишь заголовками экстренных телеграмм, печальными кортежами забинтованных людей и подленьким шушуканьем тревожных трусов, - невольно, подчас даже вопреки здравому смыслу, становишься скептиком, недоверчивым, опасливым обывателем» (Мирский Б.С. На полях крови// Война. Жизнь и суд. 1915. №15).

Два рассмотренных мотива, что совершенно очевидно, не позволяют создавать конструкт «героизм народа» Интересно, что современный военный

дискурс обращающийся к темам этих войн, фиксирует в первую очередь эти мотивы – «неподготовленности» и «предательства». Очень ярко они звучат в материалах о русско-японской войне.

В 2005 году исполнилось 100 лет со дня Цусимского сражения. Публикации «Красной звезды» и «Независимого военного обозрения» противопоставляют героизм моряков и просчеты власти:

«Несмотря на мужество и героизм российских офицеров и матросов, потери для России оказались катастрофическими» - «В числе существенных просчетов России на этапе подготовки к военным действиям были выделены: неплановость строительства флота, его моральное устаревание, слабая огневая мощь кораблей, пацифистские настроения в обществе. Вдобавок ко всему качество управления флотом на стратегическом уровне оказалось неудовлетворительным: высокие военные чины прибегли к выжидательной тактике, а чиновничья система выдвижения полководцев не приветствовала офицеров «ершистых», действенных, людей неудобных в насаждении удобного верхам мнения» (Фомищенко Р. Цусима: помнить войну// Красная звезда. 2005. 27 мая).

«Не только лишь неудачи определяют лицо флота. Его визитная карточка – безграничная отвага русских моряков»; «Можно привести много примеров доблести, отваги и самопожертвования» - «Зиновий Рождественский, за период пребывания на посту начальника Главного морского штаба слишком много узнал о разных махинациях и темных делах в судостроении, в которых были замешаны высочайшие особы»; «Это явилось следствием крайнего бюрократизма и рутинерства чиновничьего аппарата, зачастую пренебрежительного отношения к достижениям российских ученых и инженеров» (Королев В. Цусима: первое крупное поражение на море//Независимое военное обозрение. 2005. №19).

То же противопоставление присутствует в рассказе о другом сражении этой войны. В публикации «В боях за Порт-Артур» (www.SOLDAT.ru. 2007. 2 янв.) приводятся слова генерала К.Смирнова о том, что сдача Порт-Артура – предательство, и “катастрофа по Мукдену есть прямой результат этого предательства”. Вместе с тем автор публикации фиксирует оценки: «геройская оборона Кинчжоуской крепости»; «Матросы и офицеры “Стережущего” вели себя героически, отстреливались», «С первых дней войны и до падения крепости многие экипажи русских кораблей мужественно сражались с врагом».

Публикация Р.Ждановича «Тогда, в Чемульпо. Как это было» (Дуэль. 2004. 9 марта) рассказывает о гибели “Варяга” и “Корейца” Естественно говорится о героизме моряков. Но рядом с этим: “Задача Уриу (это командующий отрядом японских кораблей) была предельно облегчена предательством. На самых верхах С-Петербурга!”.

Кавказская война, в отличие от русско-японской или Крымской, не закончилась. Сохраняется напряженность, продолжается ведение и определенных боевых действий.

Военная пресса анализирует и военные эпизоды прошлого и современное состояние дел на Кавказе.

Например, “Независимое военное обозрение” (2005. №21) публикует аналитическую статью А.Уткина “Оптимистическая трагедия Большой Кавказской войны. Неудача Даргинского похода 1845 года заставила в корне пересмотреть стратегию и тактику борьбы с Шамилем”. Как и в публикациях полуторавековой давности, здесь отмечается “мужество, стойкость. Выносливость русского солдата”. Вместе с тем говорится о таком “умелом и мужественном противнике, как горцы Кавказа” (это мотив “героизм против сильного противника”). Никаких рассуждений о предательстве сверху в публикации нет. Она посвящена стратегии “правильной, методичной осады”, которая одна только может помочь в таких противостояниях (далее сказано, какая армия может осуществить эту стратегию, не без некоторого намека на сегодняшний день).

Тема противопоставления солдатского героизма и предательства «верхов» отчетливо звучит и в публикациях, анализирующих итоги войны в Афганистане: «А эти в подавляющей массе 20-22-летние ребята, которых орава чиновников направила в Афган, бросила и забыла, совершали подвиги (Почтарев А. Прокляты и забыты?//Независимое военное обозрение. 2004.№5).

Публикации о современном положении дел как раз не лишены двух указанных мотивов. Авторы говорят о «Хасавьюртовском предательстве», о «1,5 тысячной бандитской армаде» и рядом о тех, кто готов “на бой, на подвиг и на труд” (Храмцов Е. Между войной и миром// Воин России. 2000. №7). Звучит еще мотив неподготовленности к войне, хотя и не в плане вооружений, речь идет о слабом знании обстановки на театре военных действий: «Для командования и личного состава группировки федеральных войск враждебные действия со стороны местного населения оказались полной неожиданностью, что заставило на ходу менять замысел проведения операции <...> Ни командование группировки, ни сами военнослужащие к этому готовы, конечно же не были» (Балуевский Ю.Н. Уроки Кавказских войн// Военно-исторический журнал. 2000. №6).

Таким образом, идеологема “героизм советского народа” в военном дискурсе активно функционировала в годы Великой Отечественной войны. Дискурс активно устанавливал ее связи с историческим прошлым, хотя военная пресса прошлого концепт “героизм” не связывала с целым народом. Описание военного героизма в военной прессе до 1917 года чаще всего дается в контексте, который включает в себя три момента: сила противника, неподготовленность к войне, предательство элит (власть, интеллигенция). Современный военный дискурс сохраняет эти мотивы и при анализе войн прошлого, и при информировании общества о войнах современности.